

Заклученные и администрация в ГУЛАГе. Источники и методы исследования

Корганова Мария Эдуардовна

Студент (специалист)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Исторический факультет, Кафедра отечественной истории XX-XXI вв., Москва, Россия

E-mail: lumbrada@bk.ru

Главное управление лагерей, созданное в 1929 г. как структурное подразделение ОГПУ, а затем НКВД (МВД) СССР, стало государственной карательно-репрессивной машиной, осуществлявшей руководство системой исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). При этом ГУЛАГ представлял собой огромный лагерный социум, генезис и функционирование которого подчинялись своим специфическим закономерностям.

За колючей проволокой исправительно-трудовых лагерей заключенные и администрация, руководствуясь особыми нормами, ежедневно контактировали друг с другом, и это взаимодействие допустимо изучать, опираясь на классификацию социальных типов и моделей поведения, существующую в социологии.

Возникновение столь масштабной системы лагерей с централизованным управлением было обусловлено рядом экономических и социально-политических причин. Так, в частности, к лету 1929 г. правительство всерьез сделало ставку на повышение доходности принудительного труда, что было связано с принятием первого пятилетнего плана, началом коллективизации и развертыванием крупномасштабного строительства. В стратегическом отношении лагеря ГУЛАГа должны были стать пионерами в освоении отдаленных районов СССР. С социально-политической точки зрения, создание сети ИТЛ предвлялось острой дискуссией о перспективах развития советской карательно-репрессивной системы, имевшей место в высших эшелонах власти [2, С.22, 19, С.162-165]. В результате этой полемики советским руководством был взят курс на изоляцию наиболее опасных с точки зрения сталинского режима членов общества и целых социальных групп, что, попутно, влекло за собой устрашение всего гражданского населения.

В фокусе исследования находятся сталинские лагеря периода 1929-1937 гг. – времени зарождения и формирования ГУЛАГа в качестве централизованной тюремно-лагерной системы. ИТЛ являлись ее крупнейшими институциональными единицами, им была отведена ключевая роль в решении стратегических задач в области экономики, что обуславливало в них высокую концентрацию заключенных. В лагерях складывался особый социально-психологический климат, в котором взаимодействия и контакты администрации с заключенными проявлялись наиболее наглядным образом. Именно это и определило выбор ИТЛ в качестве объекта для изучения лагерного социума.

С 1991 г. в России начались преобразования в архивной сфере, повлекшие за собой процесс рассекречивания архивных материалов [3, С.35-41]. Открытие ранее недоступных архивов стало мощным стимулом для развития современной историографии ГУЛАГа: за последние 15 лет отечественными и зарубежными историками были опубликованы серии архивных документов [4], подготовлена литература справочного характера, выпущены сборники мемуаров бывших заключенных ГУЛАГа [5,6], изучены экономические, юридические, социально-демографические, структурно-административные, кадровые аспекты ГУЛАГа [7,8,9,10], привлекались сюжеты, связанные с иностранными подданными и военнопленными, ссыльнопоселенцами и депортированными народами [11,12,15], женами «изменников Родины», несовершеннолетними узниками лагерей и колоний [13,14]. Важное место в историографии занимают новейшие исследования о социальных аспектах истории

террора, лагерной системы и освобождения из заключения [16,17,18].

Однако социально-психологические и социологические проблемы взаимодействия заключенных и администрации лагерей до сих пор остаются вне поля зрения ученых. Внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие, поведение человека в лагере, изменение ментальности и психологии миллионов людей как результат их пребывания в сталинских лагерях являются ключевыми проблемами конкретно-исторического и социально-психологического содержания, без которых невозможно полноценное осмысление феномена Гулага. Другими словами, в России, где существовали лагеря, до сих пор нет ни одной научной работы о них как о социальной системе. Этим и определяется актуальность исследуемой темы.

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственная документация ГУЛАГа и комплекс источников личного происхождения: писем, записок, воспоминаний заключенных. В 2004 году в рамках многотомника «История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов» [4], была опубликована серия архивных документов, которые содержат косвенные сведения о специфике лагерного общества. Несмотря на отсутствие в них прямой информации по интересующей нас проблематике, из инструкций и циркуляров, предназначенных для стрелков и комсостава, статистических данных о показателях смертности, жилищных условиях, питании и вещевом снабжении, нормах труда заключенных можно извлечь данные, характеризующие лагерный социум. В то же время, сложившиеся в Гулаге модели взаимодействия заключенных и администрации не могут быть изучены без привлечения источников личного происхождения: писем и мемуаров заключенных, и, в редких случаях, известных нам заметок администрации лагерей [20]. Комплекс мемуаров, благодаря подробности и эмоциональности описания достаточно репрезентативен, однако необходимо помнить о субъективности, присущей источникам личного происхождения, ведь они создавались людьми, получившими психологические травмы. Зачастую мемуары не имеют точной датировки: как правило, они записывались спустя 15-20 лет после освобождения из лагеря. Отправляемые из лагерей письма заключенных подвергались строгой цензуре, их количество было жестко ограничено, некоторые категории заключенных были лишены права переписки. Кроме того, к сожалению, большинство комплексов писем и жалоб заключенных утрачены.

Преодолеть ограничения, свойственные упомянутым источникам представляется возможным с помощью синтетического подхода, подразумевающего изучение социальных взаимодействий в Гулаге посредством составления базы данных по мемуарам и архивным документам. Данный подход позволяет минимизировать субъективность мемуаров путем вычленения из них сюжетов, где описываются социальные взаимодействия в ИТЛ и верифицировать эти сюжеты (например, обращение администрации лагеря с отказниками от принудработ, запрет на переписку с родственниками или практику издевательств над заключенными) с помощью включения в базу данных архивных документов (инструкций, циркуляров, приказов, докладов и.т.д) [1].

Источники и литература

- 1) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р-9401. Оп. 1а. Д. 153. Л. 223-223 об. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 35. Л. 17 об.-28. Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 9. Л. 94-95
- 2) Упадышев Н. В. ГУЛАГ на европейском Севере России: генезис, функционирование, распад (1929-1960 гг.): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Архангельск, 2009
- 3) Петров Н. В. Десятилетие архивных реформ в России // Индекс. М., 2001. № 14
- 4) История сталинского Гулага: конец 1920-х - первая половина 1950-х годов: Собр. док.

- в 7 т. Ред. совет изд.: Козлов В. П. (пред.) и др.; М-во культуры и массовых коммуникаций РФ, Федер. арх. агентство, Гос. арх. РФ, Гувер. ин-т войны, революции и мира. — М.: РОССПЭН, 2004
- 5) Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923—1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. Смирнов М. Б. — М.: Звенья, 1998; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991. Справочник под. ред. акад. Яковлева А. Н.; авторы-сост.: Кокурин А. И., Петров Н. В. - М.: МФД, 2003
  - 6) Сопротивление в ГУЛАГе: воспоминания, письма, документы / сост. Виленский С. С. М., 1992; Дубровина И. А. Свидетельства из прошлого. — М.: Возвращение, 2014
  - 7) Бородкин Л. И., Грегори П., Хлевнюк О. В. (отв. ред). ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008
  - 8) Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997
  - 9) Земсков В. Н. Заключенные в 30-е гг: социально-демографические проблемы // Отечественная история. — 1997. — № 4. — С. 54-79
  - 10) Кокурин А. И., Моруков Ю. Н., Петров Н. В. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 1999. №8,9,11,12; 2000. №1-3,5-12; 2001. №1,3-7,9-12
  - 11) Дундович Е., Гори Ф. Итальянцы в сталинских лагерях. пер. с итал. Сухановой Н.М. — М.: РОССПЭН, 2009
  - 12) Штрайт К. Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные в 1941 - 1945 гг. пер. с нем. Дьяконова И. - М.: «Русская панорама», 2009
  - 13) Узницы "АЛЖИРа": Список женщин - заключенных Акмолинского и других отделений Карлага / Сост.: Гринев В. М. и др. Ассое. жертв. незаконных репрессий г. Астаны, Междунар. о-во "Мемориал". — М.: Звенья, 2003
  - 14) Дети ГУЛАГа. 1918—1956. под ред. акад. Яковлева А. Н.; сост. Виленский С. С. и др. М.: МФД, Россия - XX век - Документы. 2002
  - 15) Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. М., 2003.; Полян П. М. Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. пер. с англ. Осокиной Е. — М.: РОССПЭН, 2010
  - 16) Адлер Н. Сохраняя верность партии. Коммунисты возвращаются из ГУЛАГа. пер. с англ. Лейко И. П. — М.: РОССПЭН, 2013
  - 17) Добсон М. Холодное лето Хрущева. Возвращенцы из ГУЛАГа, преступность и трудная судьба реформ после Сталина. пер. с англ. Благова Д. А. — М.: РОССПЭН, 2014
  - 18) История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18-20 октября 2012 г. науч. ред: Сорокин А., Кобак А. В., Кувалдина О. - М.: РОССПЭН, 2013
  - 19) Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918—1958: Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006
  - 20) Шрейдер М. П. НКВД изнутри: Записки чекиста. - М.: Возвращение, 1995; Киселев-Громов Н. И. С.Л.О.Н. Соловецкий лес особого назначения. Архангельск.: «Тур» 2009; Чистяков Иван. Сибирской дальней стороной. Дневник охранника БАМа, 1935-1936 — М.: AST: CORPUS. 2014